

Так и бежим мы по времечку все вперед и вперед, все мы заняты, все нам некогда, недосуг оглянуться и вспомнить прошлое. Книг родовых не ведем, и хорошо, если держим в памяти, как там поживали наши предки хотя бы пару поколений назад. Иваны, не помнящие родства...

А если не полениться и хоть немного отодвинуть паутину, коей обильно заплелась тропинка в прошлое, то увидятся наши предки небывальными богатырями, чудесниками и мечтателями, в поисках Беловодья и Китеж-града открывающими новые земли, бесстрашно пускающимися на паруснике через моря-окияны, мастерами на все руки, что сами пряли и ткали, плавил и ковали, столярничали и плотничали... По той ли дорожке, что затевали в своих мыслях-мечтах наши пращурь, мы идем, свериться да посоветоваться бы.

С каждым весенним паводком все дальше уносится то время, когда капитаном Невельским открывались и определялись восточные амурские рубежи России, когда благодаря муравьевским сплавам обрастали берега могучей реки новыми хуторами и селами. После горького поражения России в Русско-японской войне 1905 года Страна восходящего солнца по-своему перекроила границы на карте мира и, особо не церемонясь, прихватила у проявившего слабость северного соседа всю Курильскую гряду и Южный Сахалин. В период Гражданской войны и образования буферной Дальневосточной Республики азиатские колонизаторы претендовали на территории вплоть до Урала. Но к концу 1922 года, поперхнувшись и так и не проглотив лакомый кусок, японцы покинули материковую часть России. И опустевший было после разрушительных войн и пожаров дальневосточный край стал сызнова заселяться вольными людьми.

В 1928 году на рейде Николаевского порта, устав молотить лопастями амурские воды, прогудел двухтрубный колесный пароход, притащивший на буксире баржу с переселенцами. На небольшую, недавно отстроенную деревянную пристань высадилась партия новоселов. Среди них семья Засухиных: Егор Ерофеевич, Вера Семеновна и их дети — Игнат, Луша, Таня, Маруся, Сергей, Аня. Им не привыкать: ехали не из европейской части России, а из села Чесноково, по современной карте находящегося в составе Амурской области. Жили Засухины в верховьях Амура, а теперь со своими традициями и обычаями пожаловали в самые низовья реки. Родившиеся в XIX веке, много повидавшие, свидетели двух революций, Первой мировой и Гражданской войн, старшие Засухины выбрали местом жительства небольшую деревушку Какарму. Не имея капиталов в значке, амурскую эпопею начинали почти на пустом месте, сами строились, обзавелись хозяйством. Егор Ерофеевич со временем возглавил местный колхоз, Вера Семеновна осталась рядовой колхозницей. Подросли дети и уже не покинули Дальний

Восток, разъехались по разным селам и городам края российской земли, давая новые ветви своему роду-племени.

По молодости если и слышал я что вполуха про поселение Какарму, про свои истоки, то как-то не цепляло, не отдавалось в сердце, не чувствовал кровной связи. А тут захотелось отыскать чудо-деревушку, непременно побывать там, чтобы понять, где все начиналось, откуда пустил корни на Нижнеамурье засухинский род...

Закипала и пенилась за кормой водица. Веселым урчанием приветствуя колонии чаек, чиркая воду и готовясь вот-вот взлететь птицей, казанка уходила вверх по протоке. Хозяин лодки из поселка Маго был немногословен, да и под шум мотора особо не поговоришь. Дорога оказалась короткой. Ныне это недалекие двадцать пять километров под мотором от села Маго в сторону Орель-Чля, а раньше, если повезет, раз в год катером, а в остальное время на весельных лодках и собачьих упряжках.

В изумрудных лугах разметались большие и малые рукава амурских артерий, попрятались в зарослях тальника и осоки старицы и озера. Пальвинская протока то искрилась первобытными малахитовыми зеркалами омутов, то перемигивалась с бирюзовым небом брильянтовыми лучиками перекаатов, то, не скупясь, осыпала позолотой берега. Слова восхищения необъятными просторами, красотой и величием здешних мест, сорвавшиеся с губ, но так и не сумевшие передать всего моего восторга, как никчемные и недостойные, терялись и тонули сразу за кормой лодки...

Долина неожиданно сузилась, и протока, насколько было видно, пропадала-терялась где-то между холмов и сопок под гребнем таежного хребта. Но наступающие на нас хмурые каменные великаны, щетинившиеся еловыми и пихтовыми пиками, расспросив и распознав («Кто такие? Отколь путь держите? Для какой нужды?»), не видя подвоха и злого умысла, дружелюбно расступались, пропуская в тайные сокровенные дали...

— Приехали. Твоя Какарма, — сообщил проводник и направил казанку к берегу. Выгрузив мой багаж и резиновую лодку, на которой в следующий день я собирался выбираться назад, проводник заторопился обратно домой.

На склоне сопки, по воле божьей, без устава, не нахрапистые, без заковыристых прибабавов, не зная улиц и кварталов, вольно рассыпались домишки. Будто махнул рукой сеятель — и, где упало семя, получился всход, и по небесному разумению выросла деревушка. Да, видно, запаматовал зародитель о всходах, оставил без догляда и присмотра свое детище. Скособочились, скукожились, вросли в землю избгенки, сиротливо взирают на белый свет, словно остыла небесная кузня, некому натягивать меха, раздуть огонь в дающей жизнь плавильне.

Быстро обошел Какарму и сделал для себя неутешительный вывод: нежилая, брошенная деревня. Несколько домов с порушенными крышами, отчасти разобранные — что добру пропадать, — а большинство и вовсе сгинувшие и напоминающие о себе лишь рядом нижних истлевших венцов и обломками печного кирпича.

Я выбрал себе место на одном из бревен и отрешенно смотрел на протоку, пытаюсь понять и соизмерить то и сегодняшнее время. Когда-то здесь действовал какой-никакой колхоз, где трудились мои прадеды; была начальная школа, в которой моя мать, макая перо в чернила, сваренные из гриба чаги, училась писать где придется, на любом обрывке бумаги, между строк исписанных конторских листков или (о счастье!) подаренной старой читаной-перечитаной газеты; в путину рыбы шло неизмеримо больше, чем сейчас, но не хватало соли, чтобы сделать полноценные заготовки; из средств коммуникации существовала на всю деревню одна радиоточка в доме учительницы...

— Эх, беда-лебеда! Раньше протока кипела, бродила, хмелела, а нынче совсем замелела, — неожиданно раздался совсем рядом певуче-плаксивый голос.

— Так, наверное, — повернув голову налево, машинально согласился я.

В двух сеченях от меня, на том же бревнышке сидел старичок-моховичок, с неровной нечесаной бородкой и черепушкой, просвечивающейся под тополиным пухом истончившихся волос. Непонятного фасона латаная-перелатаная рубашка с медными пуговицами, перевязанная на поясе бечевкой, штаны-галифе с подвернутыми гачами, обувка дедка — катанки (обрезанные валенки) — все одеяние придавало ему необычный колорит. Возраст старичка точно было не определить: есть люди, преодолевшие некий рубеж-рубикон, когда годы не старят и их перестают считать, набрось или отними пяток-другой годков, какая разница? Уж если так в летах задержался человек, то живет по высокому умыслу, ему-то и надо в день, чтобы утолить голод, ржаной сухарик или горсть ягоды, а то и насытится божьим подаванием — солнечной сурьей.

— Так ты там, где на людях, замолвил бы словечко, что пропадает, гибнет святое местечко, пересыхает речка, — вновь заговорил старик.

— Меня не послушают, — засомневался я и, в свою очередь, спросил, спохватившись: — А вы из Какармы?

— Выходит, здешний, кум березе, сват черешне, — продолжал говорить в рифму дедок.

— А где ваш дом? Как вас зовут? — допытывался я, еще не веря, что в деревне действительно кто-то живет, но ведь и не сказочный же персонаж изволил вот так вот, безо всяких, показать свой лик наяву.

— Иван я, но не Царевич, зови меня по-простому Пантелеич, живу, где заходит солнце, с самого краю, ныне, где хочу, там гуляю, никому не мешаю, — собеседник неопределенно махнул рукой в сторону западной окраины села.

— Интересно вы говорите, складно, — запоздало заметил я.

— Вот, беда-лебеда! Рот тесен без песен. Чего зазря язык ломать, с русским словом нужно хороводы водить да вприсядку плясать, — ответил Пантелеич.

Мы враз односложно перекликнулись:

— Да-а-а... — протяжно выдохнул я, соглашаясь с дедом и в то же время продолжая недоверчиво («откуда он взялся?») разглядывать собеседника.

— Ох-хо-хе-хе... — добродушно отозвался старичок, наверное вспоминая прошлое, успевая при этом ощупывать меня веселыми глазками и разгадывать мои думки.

— Дедушка, а вы Засухиных знали? Расскажите, как вы тут жили? — воспользовавшись добрым расположением, заторопился я с новыми вопросами.

— Ну а как же, знал таких. Вера-краса, до спины коса, да Егор-орел, шесть детей завел. Жили они тихо, но видали и лихо. Годы считали не днями, а праведными трудами... — верный своей манере рифмовать строки продолжал вести разговор Пантелеич и то плакал, вспоминая тяжелые и горькие испытания прошлого, то, радуясь добрым свершениям и радостным событиям минувших дней, по-детски открыто смеялся и в целом подкупал своей искренностью.

В то же время старожил говорил так умело, расставляя акценты и добавляя, где нужно, художественной краски, что я живо перенесся в минувшие дни и картины прошлого как бы встали перед глазами, а слова Пантелеича постепенно стали доноситься издалека, направляя мои мысли в нужное русло. Когда я вернулся из прошлого и посмотрел в сторону деда, того уже не было. Старик как незаметно появился, так неслышно и ушел.

Поставил палатку. Перекусил. Времени в запасе оставалось еще прорва, и я решил разыскать старика. Однако самым крайним западным строением в селе, на какое, как мне показалось, указывал Пантелеич, была хибарка-развалюшка, вряд

ли годная для жилья. Еще на что-то надеясь, я подошел к возможному пристанищу старожил.

Дверь избенки оказалась приоткрыта и каким-то чудом держалась благодаря тому, что полотно заклинило между косяком и порогом. В проеме была умело расставлена ловчая сеть, какую крестовик настроил так, что никакая козявка не проскочила бы. Завидев меня, паук подобрал лапки, как-то даже раздулся в размерах, заводил челюстями, то ли торопливо сучил в утробе пряжу, чтобы захомутать и сплести кокон вокруг необычно крупной скорой жертвы, то ли пыжился для виду, на самом деле собираясь дать деру. Предательски заскрипело прогнившее крыльцо, грозя вот-вот подломиться, да и стоило ли продвигаться дальше, воевать с пауком, ведь не залез же хозяин к себе в дом через окно.

— Эй, Пантелеич!.. — на всякий случай крикнул я сквозь паутину, но, конечно же, не услышал ответа. Я развернулся и только теперь заметил недалеко от дома деревенский погост: старые могилки почти все заросли. Осмотрев кладбище, я вернулся к протоке...

Над серыми камнями и галькой нависла мрачная тишина. Некованным холодным металлом поблескивала протока. На небе тесно сбивало и завивало пучки седых прядей, заплетало-развешивало ключья по еловым гривам и хребтинам. Кто-то без устали мял и взбивал тучи и облака, готовя замес на большое пиршество... Из зашторенной синевы заурчало-загремело, пробило в решето набрякшие белесые космы и забарабанило по воде тяжелыми слепыми каплями. Сбило у одинокой яблоньки подвенечное платье, заплакали у протоки ветлы, загундосил, захлюпал болезненно-простуженно, заслезился весь мир, хмурия и пряча остатки деревни за невесть откуда набежавшим туманом. Мгла быстро стирала все краски.

Я поспешил укрыться в палатке. Свернулся калачиком, и накрыло, запеленало душистым одеялом, сотканным из запахов приворотных трав, умасленных живицей из хвойного густолесья. Сладок и крепок сон под мерный стук дождя, под надзором предков, под родовой защитой...

Играло в три радуги небо. Лилась откуда-то добрая старинная песня. Лебеди-облака водили дружный хоровод. Плыла в ладье по синему океану-небосклону царевна невиданной красоты и ткала расписное в живых картинках полотенце. И чего там только не было: сверкающие желто-коричневыми срубам и украшенные резными ставнями избы маячили конями и петухами, прочно оседлавшими охлупни; извещающая хозяев протяжным мычанием о необходимости готовить крынки да ведра, стадо холмогорок с томящимся выменем лениво брело с лугов; дружно впрягшись в невод, тянули рыбаки переливавшуюся серебром и жемчугом удачу; с играми-затейми носились в льняных рубашонках босоногие ребятишки...

Обратный путь предстоял неблизкий. Рассвет только занимался, когда я накачал лодку, забрался в «резинку», сидел, но так и не решался окончательно покинуть Какарму — место, где рядом явь и навь, где легко перемещаешься из настоящего в прошлое, где ненадолго приоткрылась заговоренная дверь с тайными кодами и замками в далекое царство. Приоткрылась, заблезила-заблажила чудными видениями и мирами, да и не ко времени захлопнулась.

Небо разъяснилось, будто и не хмурилось-не слезилось и не было вчерашнего дождя. Два раза в одну и ту же воду не войти. Где та водица, животворящая и плодоносящая, что омывала и кормила Беловодье? Давно утекла и растворилась в море-океане... И куда приведут-выведут нынешние времена? Может, не сопротивляться, не перечить и отдаться на волю течению — пусть ведет вода...

Я бы еще неизвестно сколько так просидел, но лодку кто-то слегка подтолкнул, и она мягко закачалась на волнах. Я оглянулся — на берегу, довольно потирая руки, стоял Пантелеич:

— Беда-лебеда! Чего расселся, чай не невеста. Плыви, странник, нынче я здесь есаул и охранник. Плыви, бывай, но про пуповину свою помни: не рви, не рушь, не забывай. И травинка-былинка без корешков не растет.

Волны покачивали лодку, и я из своей люльки-колыбели в последний раз взглянул на домишки, что, как цыплята без наседки, скрючились-скучились на взгорье и во все стороны выглядывали себе мамку. Повернулся по течению, куда сносило лодку, и, сначала заробев, прикрыл глаза ладошкой, а потом, набравшись смелости, отвел руку и, не стыдясь, смотрел, как за излучиной протоки, густо намыливаясь цветочным мылом из лепестков ромашки и бессмертника, сбивая и расплескивая пену в пузырчатую дымку, разметав до самых небес рыжие локоны, купалось светило. Натешило, остудило в парном молоке реки свои телеса, в прозрачных росах смыло мороку от недолгого летнего сна, легкое и радостное поплыло солнышко на синюю горку. Довольные, что ублажили-угодили солнечному владыке, смеялись ключи и родники, подпевая солнечным затеям, счастливо тянули свои распевы большие и малые птахи. Разъярило мысли и обнадежило солнышко...

А может, не загорюнились, не вросли в землю избы, лишь застыли в ожидании, лишь спружинились для прыжка? Ждут-пождут и дождутся: в заоблачных нахмуренных даях громыхнет-промелькнет небесный всадник, натянет лук, пустит горячую стрелу — благодатно содрогнется под небесными знаменьями земляца, пробудится округа. Слово кто дал команду, приосанятся кони, вскинут головы в радостном ржании и — в два ската крыша — два крыла — сделают лишь мах-другой, и помчится прежде стреноженный табунок за своим небесным предводителем в неведомые дали, в русские начала, в славянские берега.

